

УДК 81'38

doi 10.17072/2073-6681-2021-1-37-47

ВОПРОСЫ “WHY” КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ СВЯЗНОСТИ В РОМАНЕ Г. СВИФТА “WATERLAND”

Катерина Юрьевна Гладкова

старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-код: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Статья поступила в редакцию 27.07.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гладкова К. Ю. Вопросы “why” как фактор образования связности в романе Г. Свифта “Waterland” // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 37–47. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-37-47

Please cite this article in English as:

Gladkova K. Yu. Voprosy “why” kak faktor obrazovaniya svyaznosti v romane G. Svifta “Waterland” [‘Why’ Questions as a Cohesive Factor in ‘Waterland’ by G. Swift]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 37–47. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-37-47 (In Russ.)

Статья посвящена проблеме взаимодействия категорий связности и интеррогативности художественного текста на материале вопросов “why” в романе Г. Свифта “Waterland”. Целью исследования является определение роли вопросительных предложений “why” в образовании связности текста. В ходе исследования была сформирована база данных интеррогативных контекстов, включающая общие, специальные, разделительные вопросы. При анализе материала были использованы методы семантического анализа, контекстуального анализа, стилистического анализа, синтаксического анализа. В статье приводятся результаты изучения роли вопросов “why” в образовании связности художественного текста на микроуровне (лексико-семантическая связность, грамматическая связность) и на макроуровне (сюжетно-композиционный, образный, идейно-тематический уровни) художественного произведения. Автором были выявлены средства связности внутри отдельного интеррогативного микроконтекста, между микроконтекстами и в пределах макроконтекста произведения, например, различные виды повторов на лексическом и синтаксическом уровнях. На лексическом уровне повторы представлены такими разновидностями, как полный тождественный повтор, частичный повтор, синонимический и антонимический повтор, дейктический повтор, повтор вопросительного наречия *why*. На уровне синтаксиса автором были выявлены тенденция к формальной неполноте синтаксических конструкций, что позволяет сделать вывод о наличии имплицитной связности художественного текста, и тенденция к синтаксической сложности вопросительных предложений, например, вводными конструкциями, рядами однородных членов и деепричастными оборотами. Стилистический анализ интеррогативных контекстов показал, что наиболее частотными способами образования связности в изучаемом тексте являются анафора, антитеза, синтаксический параллелизм, парентеза, эллипс, апосиопеза. В ходе анализа макроуровня произведения было установлено, что вопросы “why” выполняют сюжетобразующую функцию, служат образованию смысловой связи между главами романа, способствуют формированию идейно-тематического и образного единства. В целом автор приходит к выводу, что вопросы “why” непосредственно участвуют в механизмах синтаксической и семантической компрессии и развертывания, которые являются важнейшими механизмами текстообразования.

Ключевые слова: интеррогативность; связность; художественный текст; вопрос “why”; текстообразование; Г. Свифт.

Категории связности и интеррогативности являются фундаментальными категориями языка, и изучение их взаимосвязи позволяет более подробно исследовать природу текстообразования. В данной статье мы рассмотрим специфику взаимосвязи этих категорий в художественном тексте. Прежде всего, обратимся к трактовке ключевых понятий: интеррогативность и связность текста.

Истоки изучения понятия «интеррогативность» можно проследить еще в античной философии, где процесс вопрошания рассматривается как необходимый инструмент познания окружающего мира. Логико-философские предпосылки категории интеррогативности находят свое дальнейшее развитие в лингвистике, где изучается ее семантика, функции и способы ее языкового представления. Интеррогативность трактуется в лингвистике как функционально-семантическая категория, единство семантики запроса о неизвестном и системы ее выражений в языке [Логинов 2012: 82]. В качестве репрезентантов интеррогативности выступают вопросительные и невопросительные предложения и высказывания, в структуре плана содержания которых актуализированы семы неизвестности и запроса информации. Проблеме вопросительного предложения в лингвистике посвящено множество работ. С позиции грамматики освещаются вопросы языковой формы вопросительных предложений, которые отличаются от других типов предложения формальными маркерами: интонационным контуром, инвертированным порядком слов, наличием вопросительных слов [Виноградов 1975, Пешковский 2001, Шведова 1980]. В рамках семантики актуальны проблемы неоднородности плана содержания вопросительных предложений и разнообразия их функций, реализуемых в конкретном речевом акте [Кобозева 2000, Логинов 2012, Шведова 1980]. В рамках теории речевых актов вопрос рассматривается в аспекте реализации им своих функций в процессе акта коммуникации: с одной стороны, иллокутивная направленность вопросительных высказываний заключается в том, чтобы заставить слушающего совершить действие или дать ответ, и в этом случае вопрос является частным случаем директивов [Остин 1986, Серль 1986]. С другой стороны, вопрос можно рассматривать как частный случай косвенного речевого акта, т. е. такого иллокутивного акта, при реализации которого говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает [Серль 1986]. В функциональной стилистике рассматривается роль интеррогативности в текстах различных функциональных стилей. Интеррогативность рассматривается как атрибут

научного текста, как фактор, обуславливающий такое его типологическое свойство, как научность [Алексеева, Шутёмова 2012: 7–8]. Интеррогативность в текстах, принадлежащих публицистическому функциональному стилю, направлена на реализацию экспрессивной функции. Вопрос здесь является средством обращения к читателю и концентрации читательского внимания на проблеме, освещаемой в тексте [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 359–360]. В официально-деловых текстах вопрос необходим для реализации стилевой черты точности, не допускающей инотолкования [там же: 335]. В текстах художественного стиля интеррогативность служит реализации индивидуально-авторской эстетической концепции. Функцией вопросительного предложения в художественном тексте является воспроизведение динамики эмоционального и мыслительного процесса [Ковтунова 1986: 128–142].

Под связностью в лингвистике понимают основное свойство текста, которое наряду с цельностью отражает содержательную и структурную сущность текста [Валгина 2003:29]. Ее также определяют как функционально-семантическую и функционально-стилистическую семантическую категорию на основании того, что данная категория соотносима с системой разноуровневых языковых единиц, объединенных общей функцией [СЭС 2011: 377]. Связность считается структурным свойством текста и любой другой структурной единицы языка и проявляется через формальную зависимость компонентов текста [Мурзин, Штерн 1991: 11; Валгина 2003: 29]. Структурный характер связности подчеркивает А. А. Леонтьев, говоря о том, что связность является категорией текста и прослеживается на двух или нескольких последовательных предложениях, составляющих единство, в отличие от цельности, имеющей психолингвистическую природу и характеризующей смысловое единство всего текста [Леонтьев 1997: 90–91].

Исследователями приводятся различные классификации видов связи в тексте, например, по параметру формальной выраженности – эксплицитная связь и имплицитная связь [Мурзин, Штерн 1991: 11; Валгина 2003: 29]. По параметру направленности предлагают различать левостороннюю (анафорическую) связь, указывающую на ранее высказанную информацию в тексте, и правостороннюю (катафорическую) связь, указывающую на последующую информацию в тексте [Валгина 2003: 30]. Согласно концепции Л. Н. Мурзина и А. С. Штерна, направленность текста, или его интенция, является важной характеристикой текстовой связности. Ретроспективный принцип организации текста (анафорическая связь) принято считать текстовой нормой,

в отличие от проспективной связности (катафорическая связь), которая употребляется как специальный речевой прием, функцией которого является предупреждение адресата о том, что далее следует важная информация [Мурзин, Штерн 1991: 12]. По параметру объема различают одномерную связность, определяемую по двум соседним предложениям, и многомерную связность, определяемую по нескольким предложениям [Леонтьев 1997: 90].

В художественном тексте исследователи подчеркивают преобладание имплицитной связи и незначительное, по сравнению с текстами других функциональных стилей, использование формальных средств связности. Спецификой реализации категории связности в художественном тексте является ее взаимосвязь с эстетической функцией художественного произведения, и, таким образом, синтаксическая функция средств связности совмещается с их стилистической функцией [СЭС 2011: 379]. Преобладание имплицитной связности в художественном тексте обуславливается механизмами художественного текста, описанными Ю. М. Лотманом. В его концепции в процессе присоединения сегментов текста друг к другу происходит образование дополнительных смыслов по принципу внутренней перекодировки, а в результате процесса уравнивания сегментов текста появляются добавочные смыслы по принципу внешней перекодировки. Художественный текст, по Ю. М. Лотману, основывается на двух типах отношений: со-противопоставлении повторяющихся эквивалентных элементов и со-противопоставлении соседствующих элементов. В целом тенденция к повторяемости трактуется как стиховой конструктивный принцип, тенденция к соединяемости понимается как прозаический конструктивный принцип [Лотман 2015: 106–107]. Таким образом, в силу специфики художественного текста доминантным видом связи в нем полагают считать имплицитный, основанный на внутренних связях и невыраженных смыслах, возникающих при синтагматических отношениях высказываний. В рамках данного способа реализации связности текста предлагают выделять локальный вид, или интратекстуальный, и глобальный вид, или интертекстуальный [Сыров 2005].

В данной статье мы проследим характер взаимосвязи категорий интеррогативности и связности на примере вопросительных предложений "why" в романе Г. Свифта "Waterland". Полагают, что роман «Водоземье» (*Waterland*, 1983) является одним из ключевых произведений Г. Свифта и отражает характерные черты творчества писателя: глубокий психологизм, исследование тем истории, семьи, семейной истории,

осмысление морально-нравственных проблем и философских вопросов [Bedggood 2005, Encyclopedia Britannica, Fonioková 2017, Landow 1990, Pessa-Miquel 2007]. В центре повествования – семейная драма школьного учителя истории Тома Крика. Повествование является сложно организованным: в рассказ главного героя о событиях своей жизни вплетаются события мировой истории, воспоминания, рассуждения о серьезных морально-нравственных проблемах и философских категориях, справки из разных областей знания (например, инженерия и биология). Осмысление героями произведения глубоких нравственных вопросов, проблема поиска причины в прошлом и осознание невозможности его изменить составляет, на наш взгляд, идейно-эмотивную основу романа. По мысли К. Хьюитт, все герои произведений Г. Свифта – мыслящие люди, находящиеся в постоянном поиске ответов на вопросы [Хьюитт 1998]. Вопрошание и поиск причины являются ключевыми смысловыми линиями романа "Waterland", обуславливающими сложную сюжетно-композиционную организацию произведения.

Выбор материала обусловлен тем фактом, что роман Г. Свифта "Waterland" характеризуется усиленным вопрошанием, что позволяет подробно изучить способы языковой реализации категории интеррогативности в художественном тексте, а также ее роль в процессе образования связности текста.

Исследование в рамках данной статьи было выполнено с опорой на следующую методику:

1. Анализ роли вопросов "why" в реализации свойства связности на микроуровне (лексико-семантическая связность, грамматическая связность).

2. Анализ роли вопросов группы "why" в реализации свойства связности на макроуровне (сюжетно-композиционный, образный, идейно-тематический уровни).

Произведенный анализ способов реализации категории связности внутри отдельного микроконтекста, между микроконтекстами и в пределах макроконтекста произведения позволил выявить средства создания связности в интеррогативных контекстах. На лексическом уровне связность достигается за счет повтора, представленного различными разновидностями: тождественный, частичный, синонимический, антонимический, дейктический повтор. Рассмотрим следующий пример:

Why must the zenith never be fixed? Because to fix the zenith is to contemplate decline. Because if you construct a stage then the show must go on. Because there must always be – don't deny it – a future. [Swift 2008: 98]

В анализируемом вопросно-ответном единстве связность внутри контекста достигается за счет использования тождественного повтора (*zenith, because, must*) и частичного повтора (*fixed – fix*). Контекстуальные антонимы *zenith – decline* служат как для создания образности, так и для поддержания внутреннего семантического единства, поскольку они реализуют две микротемы внутри рассматриваемого контекста: микротему успеха, которая актуализирована в лексемах *zenith – construct – go on – future – never be fixed*, и микротему упадка, представленную существительным *decline*. Темы успеха, развития – с одной стороны и упадка и регресса – с другой являются ключевыми темами всего романа в целом. Они реализуются во многих интеррогативных контекстах и связаны с другими темами романа, например с темой истории:

Why was it that this revolution in the name of liberty and equality ended with an emperor? Why was it that this movement to abolish for good the ancien régime ended with a reincarnation of the old Sun King? [Swift 2008: 145]

В данном контексте тема развития актуализирована лексемами с семантикой движения, изменения *movement, revolution, abolish for good*, а также лексикой, служащей для создания образа ценностей лучшего будущего *liberty, equality*. Эти образы противопоставлены образам прошлого, репрезентированным существительными *emperor, régime, Sun King* и прилагательными *ancien, old*. Так, создаются антитезы «прошлое – будущее», «движение – остановка», «свобода – несвобода», которые в совокупности актуализируют более общую смысловую антитезу «развитие – упадок» и идею возврата к прошлому, повтора, которая является еще одной важной смысловой линией романа.

Семантический и стилистический анализ интеррогативных контекстов группы “why” показал, что стилистический прием антитезы играет важную роль в образовании связности как внутри микроконтекста, так и в рамках макроконтекста всего произведения. Рассмотрим следующий пример:

Why so evocative a name for so unsightly a craft? Why so fragrant an emblem for so noisome a task? Rosa. Rosa? [ibid.: 342]

В анализируемом отрывке эпитеты *evocative, fragrant* контекстуально противопоставлены эпитетам *unsightly, noisome* на основании противопоставления сем “*pleasant*” (общей для первой пары) и “*unpleasant*” (общей для второй пары). В смысловом плане противопоставлены существительные *Rosa, emblem*, создающие возвышенный образ, и существительные *craft, task*, используемые для обозначения обыденного,

ежедневного. Они служат как для внутренней связности микроконтекста, так и для создания образа корабля, о котором идет речь, актуализации идеи несоответствия внешнего и внутреннего, имени и сущности. Семантика несоответствия имени и сущности подчеркивается в данном отрывке использованием синтаксического параллелизма, усилительной частицы *so*, а также повтором существительного *Rosa*, которое выступает во втором случае в функции переопределения. Рассказчик, таким образом, выражает свое сомнение в правильности выбора имени. Более того, существительное *Rosa* обладает в лингвокультуре глубоким символическим смыслом, и использование его в ближайшем контексте с существительным *emblem* позволяет сделать вывод, что в микроконтексте актуализирована символика данного образа. Следовательно, контраст между именем *Rosa* и тем объектом, которому оно присвоено, становится еще более ярким.

Другим стилистическим принципом, посредством которого достигается связность внутри интеррогативных контекстов и в рамках макроконтекста, является прием анафоры. В вопросах “why” анафоричность достигается за счет частотного повтора вопросительного наречия (*why*), что создает впечатление усиленного, акцентированного вопрошания. Обратимся к примеру:

And why is he these things? Why sad? Why this gap between him and the world (which, for better or worse, he attempts to fill with books)? And why, even when he cannot deny certain distinct signs – that Mary Metcalf, it seems, might have feelings about him, too (because his reticence and plainiveness have not failed to lend him an air of mystery, and Mary cannot resist a mystery) – can he scarcely believe that it can really be happening? [ibid.: 53]

Связность в данном контексте достигается посредством целого комплекса языковых средств. В контексте использованы различные лексико-семантические повторы: тождественный повтор (*he, mystery, Mary, can, him*), частичный повтор (*he – him – his, can – cannot*), контекстуальные синонимы (*Mary – unattainable girl*), лексика общей семантики (*sad – plainiveness; gap – reticence*). Единство внутри контекста достигается за счет стилистического приема анафоры (*and why, why*), которая служит для создания впечатления настойчивости вопрошания и актуализации семантики вопросительных предложений.

Настойчивость вопрошания проявляется не только в частотных повторах вопросительного наречия *why*, но и в создании автором романа своеобразной языковой единицы *whywhywhy*, которая служит для актуализации смысла на-

стойчивости и неразрешимости вопрошания о причине происходящих событий. Данная языковая единица появляется как результат компрессии вопросительных предложений "why":

But why, we ask, did Louis' neck happen to be –? Because... And when we have gleaned that reason we will want to know, But why that reason? Because... Why?... Because... Why?... Until, in order to find out why Louis died, it is necessary not only to reanimate in our imaginations his troubled life and times but even to penetrate the generations before him; by which stage that incessant question Whywhywhy has become like a siren wailing in our heads and a further question begins to loom: when – where – how do we stop asking why? [Swift 2008: 112]

В представленном контексте идея неразрешимости вопрошания *why*, невозможности нахождения причины происходящего актуализирована за счет использования глаголов с семантикой поиска, выведения знания (*glean, find out, ask, reanimate, penetrate, want to know*); повторов существительных *reason, question*; повторов вопросительного наречия *why*; анафоры *but why, why, because*. Метафора *question Whywhywhy – siren* служит не только для создания образности, но и для того, чтобы акцентировать, заострить идею, представленную в анализируемом контексте. Семантика прилагательного *incessant*, существительного *siren*, глаголов *wail* и *loom* служит актуализации идеи бесконечности, тревожности, проблематичности вопрошания *why*. Языковая единица *Whywhywhy*, выведенная автором в данном контексте, суммирует, компрессирует в себе представленные в контексте семы поиска причины, бесконечности, открытости поиска, неразрешимости данного вопроса. Более того, в макроконтексте романа она функционирует как самостоятельная единица, обладающая проанализированным выше планом содержания:

Whywhywhy... Because (he swings) my Freddie was drunk and fell, with no one to save him, into the river. [ibid.: 119]

Данный контекст представляет собой рассуждения одного из героев о возможной причине гибели его сына. В представленном вопросно-ответном комплексе формально отсутствует вопрос, поскольку нет ни самого вопросительного предложения, ни его формальных признаков, кроме вопросительного наречия *Whywhywhy*. Однако само использование языковой единицы *Whywhywhy* предполагает и значение вопросительности, и значение настойчивого поиска причины, которые были выявлены нами выше. Заложена имплицитно семантика данной единицы не требует в контексте своего формального представления, поскольку, во-первых, ее значение уже

известно читателю, а во-вторых, автору важно акцентировать идею бесконечности, открытости и безответности вопрошания *why*, что подчеркивается также использованием апосиопезы.

Перейдем к анализу синтаксических средств связности внутри интеррогативных контекстов "why" и между ними. Рассмотрим использование тождественного повтора синтаксической конструкции как способ образования связности текста:

Why are the Fens flat? [ibid.: 21]

Why are the Fens flat? So God has a clear view... [ibid.: 21]

Повтор вопросительного предложения в данном случае служит не только для создания связности в пределах ближайшего контекста, но и для актуализации семантики, заложенной в вопросе. Значение вопрошания о сути вещей, о причине происходящего, причине мироустройства в данном случае в пределах Фенов, места, где живут герои произведения, является важной смысловой составляющей в рамках романа.

Помимо тождественного повтора в тексте наблюдается тенденция к формальной неполноте синтаксических конструкций, что подразумевает актуализацию невыраженной, имплицитной связи между контекстами. Рассмотрим следующие примеры:

Because (he swings) my Freddie was drunk and fell, with no one to save him, into the river.

And why...? Because he learnt to drink from his father, who was a worthless drunkard, who even went to the despicable lengths of sending his son on black-marketeering missions with the sole object procuring alcohol.

And why...? Because his father was a hopeless good-for-nothing, content to train his son in dishonesty and vice, a sinner who is rightly punished by this death of his first- and only-born. [ibid.: 119]

В данном контексте внутренняя связность достигается за счет использования анафоры, лексических повторов и синтаксического параллелизма. Апосиопеза, с одной стороны, служит для образования связности между предложениями, поскольку в каждом последующем вопросе имплицитно запрашивается причина события, представленного в предыдущем предложении: например, во втором вопросительном предложении контекста *And why ... [was Freddie drunk and fell, with no one to save him, into the river]*? Таким образом, для того чтобы декодировать смысл вопросительных предложений, нужно понимать значение всего микроконтекста, а также его место в событийной канве романа. С другой стороны, прием умолчания необходим, чтобы акцентировать идею бесконечного поиска причины, открытости этого процесса и невозможности

найти ответ, который в морально-нравственном плане удовлетворил бы героя.

Неполнота синтаксических конструкций проявляется в использовании эллипса, например:

Why history? Why the past? [Swift 2008: 111]

В данном контексте эллипс использован наряду с приемом синтаксического параллелизма, что позволяет сопоставить и связать два ключевых понятия, представленных в вопросах: историю и прошлое. Кроме того, без понимания большего контекста (главы и романа в целом) невозможно интерпретировать смысл вопросительных предложений. Рассматриваемый контекст открывает главу *About the Question Why*, которая композиционно расположена после главы *About the Rise of the Atkinsons*, посвященной истории семьи Аткинсон и истории образования Фенов. Таким образом, анализируемые вопросительные предложения имплицитно содержат в себе семантику предыдущей главы и служат своеобразным переходом к новой главе, развивающей тему истории уже с точки зрения проблемы причинности, закономерности и случайности исторического процесса.

Прием синтаксического параллелизма играет немаловажную роль в образовании связности внутри интеррогативных контекстов и в пределах макроконтеста. Проанализируем следующий пример:

Why was it that this revolution in the name of liberty and equality ended with an emperor?...

Why was it that this revolution which did indeed achieve lasting reforms could not do so without fear and terror, without the piling up, in the streets of Paris alone, of (at a modest estimate) six thousand corpses, not to mention the thousands of corpses in greater France or the unnumbered corpses of Italians, Austrians, Prussians, Russians, Spaniards, Portuguese, Englishmen – which were to be strewn over the battlegrounds of Europe?

Why is it that every so often history demands a bloodbath, a holocaust, an Armageddon? And why is it that every time the time before has taught us nothing? [ibid.: 145]

Данный контекст объединен общей микротемой, в частности, описываются события французской революции, а в целом автор рассуждает о трагических изменениях в истории и в жизни простого человека. Прием синтаксического параллелизма служит для создания связности наряду с другими приемами, такими как анафора, повторы, использование контекстуальных антонимов. Более того, он необходим для актуализации семантики сопоставляемых вопросительных предложений и усиления эмоционального напряжения по мере развития контекста. Прием градации, использованный как в пределах микрокон-

текста в целом, так и в пределах третьего предложения (*bloodpath – holocaust – Armageddon*), наряду с синтаксической осложненностью второго предложения, использованием рядов однородных членов и антитезы, служит для создания драматической напряженности, что еще более заостряет нравственную проблему, эксплицированную посредством данного контекста. Синтаксический параллелизм актуализирует логику развития рассуждения рассказчика от более частного события истории к истории в целом, что репрезентировано лексикой, обозначающей конкретные детали (*revolution, Paris, emperor, France, Italians, Austrians, Prussians, Russians, Spaniards, Portuguese, Englishmen, Europe*) в первом и втором предложениях, и лексикой, обозначающей более общие, абстрактные понятия (*history, holocaust, Armageddon, time*) в третьем и четвертом предложениях. В примере прослеживается связь временных контекстов, движение от конкретного события в прошлом к настоящему вневременному, что выражено использованием глаголов прошедшего и настоящего времени. Таким образом, посредством синтаксического параллелизма, наряду с целым комплексом других языковых средств, связность текста достигается не только на поверхностном уровне, но и на глубинном, смысловом уровне, а именно в репрезентации идеи времени, пространства, а также ключевых для романа морально-нравственных проблем.

Наряду с неполнотой и формальным упрощением вопросительных конструкций наблюдается тенденция к синтаксической усложненности вопросов “why”, например, рядами однородных членов предложения, причастными оборотами, уточняющими конструкциями и парентезой, например:

Why was it that this revolution which did indeed achieve lasting reforms could not do so without fear and terror, without the piling up, in the streets of Paris alone, of (at a modest estimate) six thousand corpses, not to mention the thousands of corpses in greater France or the unnumbered corpses of Italians, Austrians, Prussians, Russians, Spaniards, Portuguese, Englishmen – which were to be strewn over the battlegrounds of Europe? [ibid.: 145]

Анализируемый вопрос обладает сложной структурой. Во-первых, предложение демонстрирует тип подчинительной связи с придаточными определительными. Во-вторых, используются ряды однородных членов предложения (*fear and terror, Italians, Austrians, Prussians, Russians, Spaniards, Portuguese, Englishmen*) и причастный оборот (*without the piling up ... six thousand corpses*). В-третьих, предложение осложнено уточняющими конструкциями (*in the streets of*

Paris alone; not to mention the thousands of corpses in greater France...) и парентезой (*at a modest estimate*), выражающей оценку рассказчика. Синтаксическая осложненность, наряду с использованием средств лексической связности, демонстрирует логику развития авторской мысли, а также способствует актуализации семантики конкретного предложения.

Парентеза как синтаксическое средство связности текста частотно встречается в исследуемых интеррогативных контекстах. Например:

Coulden you dive in an' pull the bugger out? (Why not indeed? Because it's bad luck to swim in the same water with a drowned body) [Swift 2008: 39]

В анализируемом примере с помощью приема парентезы вводится вопросно-ответный комплекс. Парентеза в данном случае служит для введения в речь персонажа элементов внутренней речи рассказчика, таким образом, создавая эффект несостоявшегося, потенциального диалога между героями, а также для репрезентации внутреннего диалога рассказчика. Вопросительное предложение *Why not indeed?* является результатом компрессии предыдущего предложения и имплицитно содержит в себе его семантику, будучи формально неполным. Оно служит для связи реально высказанного вопроса и потенциального, невысказанного ответа на этот вопрос, поскольку все три предложения объединены общностью ситуации и единством темы сообщения.

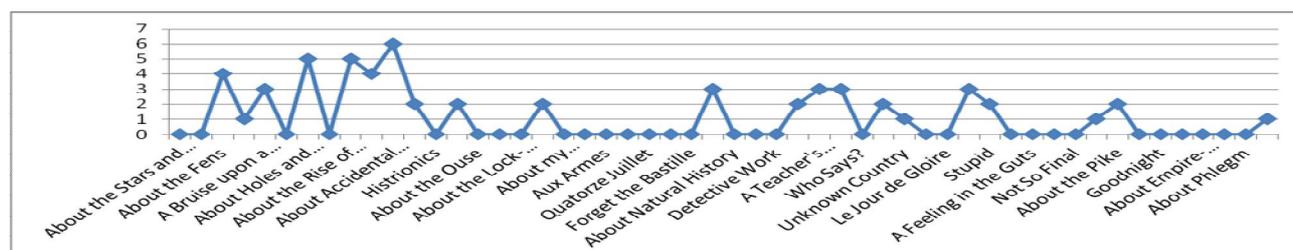
В целом прием парентезы необходим не только для создания связности внутри контекста, но и для связи микроконтекста с макроконтекстом всего произведения, создания единого смыслового поля романа. Актуализированная парентезой информация не будет достаточно полной и исчерпывающей без понимания внешнего контекста; кроме того, она расширяет семантическое пространство контекста, дополняя его новыми деталями.

С синтаксической точки зрения связность внутри исследуемых контекстов и между ними достигается как *эксплицитно*, формальными средствами, а именно синтаксической осложненностью конструкций, демонстрирующих различ-

ные виды связи (сочинительную и подчинительную), частотным использованием союза *and*, актуализирующего идею усиленного, настойчивого вопрошания, так и *имплицитно*, что проявляется в формальной неполноте конструкций, в результате чего внутренние связи можно установить только в пределах макроконтекста произведения.

Перейдем к анализу вопросов группы "why" в аспекте их функционирования на макроуровне произведения. Исследование показало, что изучаемые вопросы играют важную роль в формировании сюжетно-композиционного уровня романа. Во-первых, они служат средством развития сюжета произведения. Вопрос с коммуникативной и познавательной точки зрения стимулирует развитие авторской мысли, предполагает выведение нового знания, поиск ответа, что приводит к формированию определенных сюжетных линий, способствует динамике сюжета или заостряет внимание на уже описанных ранее событиях. Например, вопрос *Why are the Fens flat?* [ibid.: 21], являющийся первым случаем использования вопроса "why" в романе, не только формирует большую часть главы *About the Fens*, но и способствует созданию отдельной сюжетной линии, посвященной истории возникновения Фенов, которая прослеживается на протяжении всего романа. Интеррогативный комплекс *Why history? Why the past?* [Swift 2008: 111] формирует главу *About the Question Why*, которая посвящена проблеме поиска причины исторических событий и событий частной жизни, и связывает ее с предыдущей главой *About the Rise of Atkinsons*, повествующей об истории семьи Аткинсон.

В целом вопросы анализируемой группы частотно встречаются на протяжении всего романа. В результате исследования было выяснено, что они используются в 21 главе из 52 глав произведения. Представленный ниже график демонстрирует количественное распределение микроконтекстов группы "why" в романе. При построении графика мы использовали методiku сюжетизации, которая была апробирована при исследовании темы «Символика звука в романе А. Мёрдок "Колокол"» под руководством проф. Л. М. Алексеевой.

Количественное распределение микроконтекстов группы "why" в романе
Quantitative Distribution of 'Why' Questions in the Text of the Novel

Наиболее частотны вопросы анализируемой группы встречаются в начале романа, в завязке действия, где они служат для введения основных тематических и сюжетных линий произведения, например, темы истории, семейной истории, любовной линии между главными героями произведения. Кроме того, вопросы “why” акцентируют в начале романа основные события, которые являются толчком для дальнейшего развития действия, например, смерть Фредди Парра, которая является ключевым сюжетобразующим элементом произведения. Наибольшее количество употреблений вопросов данной группы встречается в главе *About Accidental Death*, посвященной этому событию. Таким образом, усиленное вопрошание *why*, особенно ярко проявляющееся в начале романа, обозначает внутренний поиск причины происходящих событий, разворачивает рассуждения рассказчика о различных аспектах жизни, заставляет возвращаться к более ранним моментам в истории своей семьи, а также обращаться к фактам из различных областей знания. Кроме того, вопросы “why” являются связующим звеном между временными линиями произведения, между настоящим, в котором повествователь осмысляет события своей жизни, и прошлым, в котором эти события происходили, а также еще более ранним прошлым, например, историческими событиями, в которых рассказчик ищет доказательства, параллели, причины описываемых событий. На языковом уровне эта связь репрезентирована посредством грамматической категории времени глагола, а также вводными конструкциями, демонстрирующими свойство диалогичности текста. Например, в вопросе *Yet why, you may ask, did the Cricks rise no further?* [Swift 2008: 24] используется прошедшее простое время для обозначения исторического события, а настоящее простое в вводной конструкции служит для обозначения настоящего момента речи. В другом примере: *We ask: Why did this corpse come to be a corpse? Answer: By accident – or because on a certain day in Paris a certain guillotine was descending, Louis XVI happened to have his neck on the way* [ibid.: 112] – связь между временными контекстами достигается не только посредством временных форм глаголов, но и на смысловом уровне, а именно в соотносительности данного контекста с двумя разными событиями романа. С одной стороны, анализируемый вопрос обозначает историческое событие, смерть короля Людовика XVI, а с другой – это рассуждение рассказчика о смерти одного из героев произведения, Фредди Парра. Взаимосвязь этих событий подтверждается, во-первых, на сюжетно-композиционном уровне: рассматриваемый вопрос встречается в главе *About the Question*

Why, расположенной перед главой *About Accidental Death*, в которой представлены размышления рассказчика о гибели Фредди Парра, а также описаны события расследования его смерти. Во-вторых, с точки зрения анализа семантики микроконтекста и макроконтекста следующей главы мы можем сделать вывод, что они объединены общей темой «случайность» (*by accident, accidental, happened to be*), а проблема случайности – закономерности является важной не только в аспекте темы смерти, но и в ряде других тем романа. Посредством вопросов “why” осуществляется взаимосвязь и других событий романа, описывающих любовные отношения между Томом Криком и Мэри Мэткаф, отношения между Мэри и Диком Криком, похищение Мэри ребенка, а также связь исторических событий с настоящим временным планом повествования.

Посредством вопросов “why” поддерживается единство на тематическом уровне произведения. В вопросах данной группы реализуются темы любви, семьи, истории, жизни и смерти, развития и цикличности, которые являются взаимосвязанными и входят в сложный тематический комплекс романа. Сформированные на основании семантического и контекстуального анализа тематические поля имеют следующие области пересечения, например: тематическое поле «семья» содержит общие языковые единицы с тематическими полями «история» (*Cricks – The Atkinsons – generations – sons*) и «смерть» (*death, last word, losing sons*). Тематическое поле «смерть» также, в свою очередь, связано с тематическим полем «история» (*war – bombers – thousands corpses – die – death – bloodpath – Holocaust – Armageddon – battlefields of Europe*). Поле «развитие – цикличность» пересекается с полем «любовь» (*to be taught – learning – making headway*), «история» (*revolution, emperor, reincarnation, regime, reforms*), «семья» (*generations – rise no further – content – servants – never produce – form – avail – general improvement – zenith – decline*). На смысловом уровне представленные выше темы объединены такими компонентами значения, как «страх» (*fear, troubled, baffled, transfix, terror, trouble*), «утрата» (*lose, abolish, don't return, death*), «тайна» (*discretion, mystery, circumspect, taciturn*), «изолированность – открытость» (*gap, clear view, only, exclusion, reticence*), «случайность – закономерность» (*accident, accidental, by accident, happen to be, certain, come to be*). Они актуализированы в семантике вопросов “why” и являются актуальными в контексте романа в целом. Вопросы исследуемой группы не только способствуют тематическому единству произведения, но и раскрывают эти темы в аспекте про-

блемы поиска причины, которая является одной из центральных проблем романа.

Немаловажной функцией вопросов “why” на макроуровне произведения является поддержание единства образности. Семантический анализ вопросов данной группы показал, что они способствуют репрезентации образов природы (образ Фенов), образов героев романа (Мэри, Дика, Тома, Джека Парра, Криков, Аткинсонов и др.), образного осмысления исторических событий (образ истории, войны, революции). Образность вопросов “why” создается посредством целого комплекса стилистических средств, таких как метафора (*boat-hook clawed at Freddie Parr's... body; weakness... fuelled by... liquor; fear trans-fixed*), эпитет (*renowned engineer, rich soil, unattainable girl, mud-grey Ouse, decaying lighter wharves, tree-screened fringes of celery and onion fields, unfortunate weakness, baffled eavesdropper*), сравнение (*as to some chromium-plated confessor*), гипербола (*thousands corpses, unnumbered corpses, such vast numbers*), антитеза (*zenith – decline, liberty – terror, servants – masters, discretion – attention*), а также посредством использования эмотивной лексики (*terror, dash, fear, piling up, burst open, haste*). Помимо образности, вопросы “why” служат для формирования единого хронотопа произведения, с их помощью осуществляется взаимосвязь как временных планов романа, так и пространственных локаций. В анализируемых контекстах частотно встречаются различные топонимы, входящие как во внутреннее пространство самих Фенов (*Fens, Newhithe, Gildsey, Ouse, Lode, Leem*), так и в пространство за пределами Фенов (*battlefields of Europe*). Таким образом, в романе представлена пространственно-временная организация, основанная на диалектике настоящего и прошлого, а также внешнего и внутреннего, что актуализируется в вопросах группы “why” и других интеррогативных контекстах.

В целом в рамках данной статьи мы проследили характер взаимосвязи категории интеррогативности и категории связности художественного текста на материале вопросов “why” в романе Г. Свифта “Waterland”. Мы установили, что категория связности репрезентирована в интеррогативных контекстах разнообразными лексическими и синтаксическими средствами. С другой стороны, способы реализации категории интеррогативности в тексте способствуют образованию связности и текстообразованию в целом. Так, частотные повторы вопросительных предложений “why” стимулируют развитие авторской мысли, отражают логику авторских рассуждений, способствуют развитию сюжета, формированию глав, связывают разные сюжетные линии, временные планы произведения, а также разные

события в рамках макроконтекста романа. Немаловажным является тематическое единство, формируемое вопросами данной группы, а также единство проблематики причинности – закономерности, выраженное в семантике вопросов “why”. Наряду с разнообразием формальных средств объективации категории связности нами также было выявлено наличие имплицитной связи внутри интеррогативных контекстов и между ними. Анализ показал частотное использование неполных с точки зрения синтаксической организации вопросительных конструкций, которые репрезентируют семантику предыдущего контекста в свернутом виде и чей смысл можно интерпретировать только в рамках макроконтекста произведения. Таким образом, вопросы “why” непосредственно участвуют в механизмах синтаксической и семантической компрессии и развертывания, которые являются важнейшими механизмами текстообразования.

Список литературы

- Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типология перевода. Пермь, 2012. 198 с.
- Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 562 с. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Наука, 2008. 463 с.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Логинов А. В. Лексические средства выражения семантики интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(17). С. 82–85.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Азбука, 2015. 374 с.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 10.07.2020)
- Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986.

№ 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 12.07.2020)

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2011. 695 с.

Сыров И. А. Способы реализации категории связности в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005 URL: <http://cheloveknauka.com/sposoby-realizatsii-kategorii-svyaznosti-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 10.07.2020).

Хьюитт К. О Грэме Свифте: современный английский романист. Семьи, наваждения и «Последние распоряжения» // Иностранная литература. № 1. М., 1998. URL: <https://magazines.gorky-media/inostran/1998/1/o-greme-svifte-sovremennyj-anglijskij-romanist-semi-navazhdeniya-i-poslednie-rasporuzheniya.html> (дата обращения: 10.07.2020).

Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html> (дата обращения: 10.07.2020)

Bedggood D. (Re)Constituted Pasts: Postmodern Historicism in the Novels of Graham Swift and Julian Barnes // Acheson J., Ross S. *The Contemporary British Novel Since 1980*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2005. P. 203–217.

Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/search?query=graham+swift> (дата обращения: 10.07.2020).

Fonioková Z. History, Storytelling and Narrative Construction of Reality in Graham Swift’s “Waterland” // *Revue Belge de Philologie et d’Histoire*. 2017. Vol. 95. P. 561–574.

Ladow G. History, His Story, and Stories in Graham Swift’s *Waterland* // *Studies in the Literary Imagination*. 1990. Vol. 23. P. 197–211.

Nicol B. *The Cambridge Introduction to Postmodern Fiction*. Cambridge University Press, 2009. 221 p.

Pesso-Miquel C. From Historiographic Metafiction to Bedtime Stories: The Changing Contours of Graham Swift’s Novels // *Études Anglaises*. 2007. Vol. 60. P. 135–147.

Swift G. *Waterland*. Picador, 2010. 355 p.

References

Alekseeva L. M., Shutemova N. V. *Tipologiya perevoda* [Typology of translation]. Perm, Perm State University Press, 2012. 198 p. (In Russ.)

Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. 173 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 562 p. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html>

(accessed 10.07.2020) (In Russ.)

Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

Kovtunova I. I. *Poeticheskij sintaksis* [Poetical syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p. (In Russ.)

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 463 p. (In Russ.)

Leont’ev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p. (In Russ.)

Loginov A. V. Leksicheskie sredstva vyrazheniya semantiki interrogativnosti [Lexical means of expressing the semantics of interrogativity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2012, issue 6(17), pp. 82–85. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 374 p. (In Russ.)

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk, 1991. 172 p. (In Russ.)

Austin J. Slovo kak deystvie [An utterance as an act]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The new in foreign linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 10.07.2020). (In Russ.)

Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Syntax of the Russian language from a scientific perspective]. Moscow, LRC Publishing House, 2001. 544 p. (In Russ.)

Searle J. R. Kosvennye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The new in foreign linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 12.07.2020). (In Russ.)

Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar’ russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., 2011. 695 p. (In Russ.)

Syrov I. A. *Sposoby realizatsii kategorii svyaznosti v khudozhestvennom tekste*. Avtoreferat diss. d-ra ... filol. nauk [Means of realization of the text cohesion category in literary text. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. Available at: <http://cheloveknauka.com/sposoby-realizatsii-kategorii-svyaznosti-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed 10.07.2020). (In Russ.)

Hewitt K. O Greme Svifte: sovremennyj anglijskiy romanist. Sem’i, navazhdeniya i ‘Poslednie

rasporyazheniya' [Graham Swift: a contemporary British novelist. Families, delusions and 'Last Orders']. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1998, issue 1. Available at <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/1/o-greme-svifte-sovremennyj-anglijskij-romanist-semi-navazhdeniya-i-poslednie-rasporyazheniya.html> (accessed 10.07.2020) (In Russ.)

Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 2. Sintaksis [Syntax]. Available at: <https://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html> (accessed 10.07.2020). (In Russ.)

Bedggood D. (Re)Constituted pasts: Postmodern historicism in the novels of Graham Swift and Julian Barnes. Acheson J., Ross S. *The Contemporary British Novel Since 1980*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2005, pp. 203–217. (In Eng.)

Encyclopedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/search?query=graham+swift> (accessed 10.07.2020). (In Eng.)

Fonioková Z. History, storytelling and narrative construction of reality in Graham Swift's 'Waterland'. *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*, 2017, vol. 95, pp. 561–574. (In Eng.)

Landow G. History, his story, and stories in Graham Swift's 'Waterland'. *Studies in the Literary Imagination*, 1990, vol. 23, pp. 197–211. (In Eng.)

Nicol B. *The Cambridge Introduction to Postmodern Fiction*. Cambridge University Press, 2009. 221 p. (In Eng.)

Pesso-Miquel C. From historiographic metafiction to bedtime stories: The changing contours of Graham Swift's novels. *Études Anglaises*, 2007, vol. 60, pp. 135–147. (In Eng.)

Swift G. *Waterland*. Picador, 2010. 355 p. (In Eng.)

'WHY' QUESTIONS AS A COHESIVE FACTOR IN 'WATERLAND' BY G. SWIFT

Katerina Yu. Gladkova

Senior Lecturer in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-code: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Submitted 27.07.2020

The article deals with the problem of relation of two linguistic categories – interrogativity and text cohesion – in a literary text. The aim of the research is to study the role of 'why' questions in text cohesion in *Waterland* by G. Swift. As part of the study, a database of interrogative contexts was formed, which includes general questions, special questions and disjunctive questions. Methods of semantic analysis, stylistic analysis, contextual analysis, syntactical analysis were used in the research process. The paper provides the results of analysis conducted to reveal the functions of 'why' questions in text cohesion on the micro-level (lexical and semantical cohesion, syntactical cohesion) and macro-level (plot and composition, imagery, themes and idea) of the literary text. There were found means of text cohesion such as lexical and syntactical repetitions. On the level of lexis, such various types of repetition were discovered as complete lexical repetition, partial repetition, synonymic and antonymic repetition, deixis, repetition of the interrogative adverb 'why'. On the level of syntax, the analysis demonstrates a tendency to formal incompleteness of interrogative structures, on the one hand, which allows us to assume an implicit type of text cohesion, and, on the other hand, a tendency to formal complexity of interrogative structures, with parenthetical clauses, adverbial participial phrases and homogeneous parts of the sentence being frequently used. Stylistic analysis of 'why' questions shows that anaphora, antithesis, syntactical parallelism, parenthesis, ellipsis and aposiopesis are among the means of text cohesion in the text under consideration. The analysis of the novel on the macro-level demonstrates that 'why' questions function in the plot development, facilitate semantical cohesion between chapters, form thematical and conceptual unity of the literary text, and serve to promote the unity of imagery. The author concludes that 'why' questions facilitate the processes of semantical and syntactical compression, which are considered the main mechanisms of text production.

Key words: interrogativity; text cohesion; literary text; 'why' question; text production; G. Swift.